

Анна Староста

"ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОВЕЕВЕ"
В ОБРАБОТКЕ ИВАНА НОВИКОВА

Во второй половине XVIII в. на книжном рынке в России рядом с классической литературой, книгами научного, церковного и учебного характера появляются авантюрные романы, сборники сказок и анекдотов, письмовники, песенники и т. п., которые до сих пор распространялись прежде всего в рукописной форме. Огромная "чтебность" этого рода рукописных книг повлияла на то, что книгоиздатели перестали издавать только классическую, научную, церковную литературу, которая лежала на полках книжных магазинов и тем самым не приносила им ожидаемой прибыли, и стали издавать те книги, которые гарантировали их сбыт и одновременно улучшали их материальную позицию.

Среди этих книг находим, между прочим, сборник Ивана Новикова "Похождения Ивана, гостинного сына и другие повести и сказки", являющийся одним из более оригинальных произведений русской демократической прозы второй половины XVIII в. До наших дней сохранились две части этого сборника: первая, изданная в 1785 г., и вторая, изданная в 1786 г.¹

Характерным для этого сборника оказывается его связь с древнерусской традицией, которая проявляется прежде всего в так называемых "купеческих" повестях, построенных по принципу плутовского романа (ср. "Похождения Ивана гостинного сына", "О несчастных приключениях купеческой дочери Аннушки", "Новгородских девушек святочные вечера" и др.²).

¹ И. Новиков, Похождения Ивана гостинного сына и другие повести и сказки, ч. I, Санкт-Петербург 1785, ч. II, Санкт-Петербург 1786.

² См.: Э. М. Влэк, О некоторых источниках "Похождений Ивана гос-

Новиков отбирал из древнерусских рукописных книг прежде всего тексты развлекательного характера (фацеции, плутовские повести), которые могли пользоваться успехом среди низового читателя. Итак, например, установлено, что источником повести "Новгородских девушек святочный вечер" послужила Новикову плутовская "Повесть о Фроле Скобееве", созданная анонимным автором, по всей вероятности, не раньше 1710 и не позднее 1722 г.³

В настоящей статье мы постараемся проследить приемы работы Новикова, примененные им при переделке древнерусской "Повести о Фроле Скобееве", которая послужила ему источником повести "Новгородских девушек святочный вечер". Вопрос этот ставился уже давно (ср. работы В. В. Сиповского, Б. И. Дунаева, Э. Малэк⁴) однако исследователи указывали лишь на некоторые приемы, использованные Новиковым, и пока нет работы, разрабатывающей этот вопрос более подробно и целостно. Именно поэтому нам показалось небезсплозным еще раз сопоставить произведение Н. Новикова "Новгородских девушек святочный вечер" с его древнерусским прототипом,

Напомним, что "Повесть о Фроле Скобееве" повествует о бедном дворянине—"гольце" Скобееве, разбогатевшем путем выгодной женитьбы на стольничей дочери. Произведение строится как воспоминание о минувшем, о событии, которое действительно имело место, на что указывает, между прочим, точное время действия — 1680 г., приурочение действия повести к русским народным праздникам (святки), а также реальные топографические названия России XVII века (напр., Новгородский уезд, Москва с Ивановской площадью против Ивана Великого в Кремле, Успенским собором). Однако, по мнению Ю. К. Бегунова, несмотря на соотнесенность этих реалистических деталей в "Повести о Фроле Скобееве" с явлениями русской жизни 80 гг. XVII в., мы не можем признать рассматриваемого произведения исторической повестью⁵, хотя ее бытовая обстановка жизненна, хотя

тиного сына" Н. Новикова, "Zeszyty Naukowe WSP w Bydgoszczy" 1983, Studia Filologiczne, z. 12, s. 113-116.

³ Ю. К. Бегунов, Повесть о Фроле Скобееве и литературное движение первой четверти XVIII в. — Сборник статей памяти проф. К. Вердианини, Пиза 1979, с. 11-32.

⁴ В. В. Сиповский, Очерки из истории русского романа, т. 1, вып. 2 (XVIII в.), Санкт-Петербург 1910, с. 637-642, Б. И. Дунаев, История о российском дворянине Фроле Скобееве, Библиотека старорусских повестей, Москва 1916; Э. Малэк, указ. соч., с. 115-123.

⁵ Ю. К. Бегунов, указ. соч., с. 18.

она напоминает действительно происшедший случай, описанный в русских мемуарах XVII-XVIII вв.⁶

Герой "Повести о Фроле Скобееве" наделен чертами, благодаря которым он завоевывает читательскую симпатию, а именно, ловкостью, настойчивостью, здравым смыслом, жизненным практицизмом и одновременно аморальностью, цинизмом и неразборчивостью в средствах. Его девиз: "Буду полковник или покойник" выражает стремление добиться любой ценой, не обращая внимания на моральную сторону своих деяния, успеха. Несмотря на все обманы и хитрости Фрола (переодевания, подкупы прислуги, шантаж), читатели понимают и любят его, о чем свидетельствуют многие списки "Повести о Фроле Скобееве", появляющиеся в течение всего XVIII в.⁷ Неудивительно тогда и то, что она вызвала интерес И. Новикова-писателя, хорошо знавшего вкусы низового читателя и пишущего именно для него, которым и была переработана и включена в сборник "Похождения Ивана гостинного сына" (1785) под заглавием "Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным".

И. Новиков, сохраняя в основном сюжетную линию древнерусской повести, создает на ее канве свое оригинальное произведение, отличающееся во многом от древнерусской повести.

Первые изменения, предвосхищающие дальнейшие трансформации сюжета, наблюдаем на уровне такого важного композиционного элемента произведения, как заголовок, который, — как пишет Л. А. Незунтова, — "представляет в свернутом виде книгу, заявляет ее тему или идею, или проблематику: он оповещает или предупреждает в нем чувство тайны или поясняет что-то существенное: включает его в процесс общения, в логику или диалектику мысли автора"⁸. Итак, автор древнерусской повести на первый план выдвигает образ главного героя, поэтому это "повесть" о Фроле Скобееве, это история "плута и ябедника" Фрола Скобеева. Новиков же делает упор на необычный исход святочного вечера, вечера, когда, между прочим, устраивались забавы, переодевания, игры, вечера, во время которого веселились богатые и бедные в городе и в деревне. Именно

⁶ В. В. С и п о в с к и й, указ. соч., с. 648.

⁷ См.: Ю. К. Б е г у и о в, указ. соч., с. 11-14.

⁸ Л. А. Н е з у н т о в а, Автор - название - идея - позиция в произведениях Леонида Андреева, [в:] Стиль и идеология (активность авторского повествования). Межвузовский сборник научных статей, Сыктывкар 1983, с. 60.

поэтому придает он своему произведению заглавие "Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным"

Новое заглавие повести влечет за собой изменение завязки действия. Древнерусская повесть начинается решением Фрола, который, узнав "о стольничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой", зато Новиков открывает свое произведение довольно точным описанием жизни Селуяна Сальникова и его ябедничества, а также "этнографическими" сведениями о святочных и масленичных играх на Руси (кстати, они шире и богаче, чем в "Повести о Фроле Скобееве"), ко времени которых приурочено действие повести. "Во время Святков, - пишет Новиков, - во всех местах на Руси у обоего пола, возраста, достоинства и достатка людей бывают ночные сборища: в городах комедии, в деревнях у дворян вечеринки, а у крестьян и другой черни игрища" (с. 24). Дальше Новиков знакомит нас с мотивировкой действия героя, которая оказывается другой, чем в древнерусском прототипе:

...вздуналось и Груняше Кошкодавоной тою же невинною забавою повеселиться, а для того и созвала к себе соседских дворянских девушек пар десяток, между коины приглашена была и Селуянова сестра Фетинья; а как и Селуянушке в своем уваселительном подворе дни два три праздновать показалось скучновато, то просил свою сестрицу, чтоб она и его, нарядиши в женское платье и назваши сродницею, взяла туда же с собою повеселиться⁹ (с. 24-25).

Итак, сравнивая мотивировки действия героев в обоих произведениях, замечаем, что Фрол Скобеев руководствовался лишь намерением получить материальную прибыль, зато Селуян Сальников придумал все из скуки и желания приятно повеселиться во время праздников. Кроме того, в "Повести о Фроле Скобееве" ничего не говорится о чувстве Фрола к Аннушке, он хочет жениться на ней лишь для будущей выгодной и богатой жизни, Селуян же, судя по его поведению, влюбился в Груняшу с первого взгляда и продолжал ее любить всю жизнь: "Селуян Сальников, живучи со своею любезною Груняшею лет поболее десятков пяти, любя один другога сердечно, утопая в роскошах, забавах, и веселиях повседневно, - также, как

⁹ Здесь и дальше все цитаты из "Новгородских девушек святочного вечера" приводятся по изданию: Б. И. Дунаева, История о российском дворянине Фроле Скобееве. Библиотека старорусских повестей, Москва 1916.

и другие, померли, оставя по себе на земле не малое число потомков Сальниковых, которые и в нынешнем времени называются так" (с. 54).

Как видим, И. Новиков оставил главного героя обманщиком и плутом, однако его Селуян оказывается менее расчетливым и более честным, чем Фрол. Кроме того, в произведении Новикова довольно много говорится о чувстве, о переживаниях героев: они тоскуют, радуются, любят. Хорошим примером этого может послужить фрагмент, описывающий поведение Селуяна и Груняши в церкви:

При входе в церковь увидела Сальникова, дожидавшагося на паперти. Взглянувши друг на друга планеными глазами, исполнеными смущением и радостью, и хотя малому ее и не было нужды по неведению ни за кем присматривать и примечать, одного и при прохождении мимо Селуяна увидел у боярыни лице зардевшееся и походку несмелую, равно и Селуян покрасмел, как рыжик: подобное сему и прощанье у них происходило одними взглядами (с. 29-30).

Новиков не только меняет характеры главных персонажей, но также дает им другие имена и фамилии (итак, напр., Фрол Скобеев становится Селуяном Софроновичем Сальниковым, Аннушка, дочь столника Нардин-Нащокина - Аграфеной Кошкодавоной, Нардин-Нащокин - Савастьяном Никуличем Кошкодавовым, Ловчиков - Сабакиным и др.) и увеличивает число второстепенных героев (напр., в его произведении появляется Дьяк - учитель Селуяна, Игнатушка - слуга сестры Кошкодавова, ключник Кособрихов), с целью создания фона для главных героев и указания их отношения с другими лицами, имеющими посредственное влияние на ход действия.

Интересным является факт частого употребления рассказчиком уменьшительных форм имен главных героев (напр., Селуяна он называет Селуяшей, Селуянушкой, Аграфену - Грушинькой, Груняшкой, Грушей и т. д.). Можем предполагать, что это вызвано его симпатией к персонажам повести. Одновременно, благодаря этому приему дистанция между повествователем и героями становится незаметной, а порою исчезает.

Заметным различием между обоими произведениями является их объем. Новиков значительно расширяет свое произведение, не столько путем осложнения сюжета первоисточника, сколько путем различных амплификаций, не изменяющих хода действия, а лишь вносящих в него много бытовых подробностей и уточнений. Кстати, большин-

ство из них "подсказано" текстом "Повести о Фроле Скобееве". Итак, например, лаконичная информация о святках в исходном тексте превращается в пространное описание святок и масленицы, во время которых происходит действие, краткое сообщение анонимного автора о том, что Нардин-Нащокин едет в гости, у Новикова уточняется посредством указания на день поездки, ее цель и лицо, к которому он едет ("Господин Кошкодавов зван был в воскресной день на свадьбу к господину клычнику Кособрехову"), сведение о бегстве Аннушки из родительского дома ("И та Аннушка убралась и села в карету и поехала на квартиру Фрола Скобеева") разрастается в целую живо нарисованную сцену, занимающую около двух страниц текста и т. д.

Иногда Новиков изменяет детали, которые не имеют непосредственного влияния на ход событий, но могут указывать героев в несколько других красках, или уточнить место действия (напр., ближе не определенный девичий монастырь из "Повести о Фроле Скобееве" превращается под пером Новикова в Новодевичий монастырь, в другом месте, факт, что Фрол едет в Москву по своей инициативе изменяется у Новикова таким образом, где инициатива приезда Сальникова в Москву принадлежит Груняше). Благодаря этому в повести Новикова имеем дело не только с рассказом о событиях, но и с их изображением.

Оба произведения - это рассказы о прошлом, однако временная дистанция, отделяющая повествователя от времени действия в "Повести о Фроле Скобееве" и в "Новгородских девушек святочном вечере" - другая. В древнерусской повести она намного меньше, чем у Новикова, причем автор точно называет начало действия (1680) и кончает свой рассказ сообщением с смерти Фрола, из чего можем заключить, что действие повести кончается в первой четверти XVIII в.

У Новикова все повествование также отнесено в прошлое, но без указания на конкретные даты. Он неоднократно подчеркивает, что события, о которых рассказывает, произошли давно, "в старину". И так, например, когда рассказчик пытается объяснить читателю необычные с современной ему точки зрения поступки героев, то пишет, что "в старину почтенные и ни в каких тяжбах не бывалые люди" не устраивали поединков и поэтому Сабакин не вызывает Сальникова на дуэль, или объясняет что Сальников был вынужден

обратиться за помощью к Собакину, потому, что "в старину в Москве кроме ропусков, наемных совсем не бывало" и т. д.

Чтобы придать рассказу о похождениях своих героев большую достоверность, Новиков насыщает текст своего произведения указаниями конкретных городов, местностей, улиц, которые в действительности в XVIII в. в России существовали. Благодаря этим названиям мы можем составить целый "маршрут" героев Новикова, следуя за которыми мы перемещаемся из Новгородского уезда в Москву, где находимся на Мясницкой улице, в церкви Николая на Вшивой горке, в Новодевичьем монастыре, на Пресне у Николая, на Ваганьковс, на Москве-реке. Новиков перечисляет также и такие реальные местности, как Фили, Ваганьковского, Алатор, Сибирский уезд, Кромск, Севск и Брянский уезд¹⁰.

В произведении Новикова более значительную роль, чем в повести анонимного автора, играет бытовая обстановка, в которой разыгрывается действие. Итак, предметный мир этой повести составляют, между прочим, разные "виды транспорта" (сани, карета), предметы, употребляемые при полевых работах (сохи, бороны, косы), а также спиртные напитки (водка, вино), одежда (кафтан с камзолами, лифрея, подвенечное платье с прибором, парик) или же предметы домашнего обихода (свечи, ведро, конопляное масло) и др.

Повествование в обоих произведениях ведется от третьего лица, с тем, что у автора "Повести о Фроле Скобееве" оно имеет более объективный характер. В древнерусской повести рассказчик сообщает читателям кратко и без лишних описаний о происходящих событиях и поступках героев, причем его речь является беспристрастной и носит информационный характер. Рассказчик не пытается вникать в переживания персонажей, не оценивает их поведения, интересуясь прежде всего ходом событий.

В повести Новикова всезнающий рассказчик довольно точно указывает подробности из жизни героев (напр., Селуяня Сальникова), знает переживания, скрытые мысли персонажей, знает, как во время святок и масленицы люди на Руси веселились. Иллюзия достоверности и полной осведомленности рассказчика во всех фактах достигается также вполне реальными описаниями Москвы и ее окрестностей, о которых мы упоминали выше.

¹⁰ См.: П. В. С ы т и н, Из истории московских улиц (очерки), Москва

Рассматривая языковую сторону наших произведений, замечаем, что уже древнерусская повесть отличается отделением высказываний героев от авторского повествования¹¹, причем язык, которым пользуются герои живой, разговорный, а местами даже вульгарный. Новиков сохраняет этот прием своего предшественника. Ср., напр., живые интонации в речи друга Сальникова — Сабаккина:

Ах! каналия, — перервал речь его Сабаккин, — знав теперь твои плутни: не ты ли, мошенник, достойной кнута и виселицы сманил его дочь? и где теперь она? сказывай! [...] Когда ты увидишься с кнутом и палачом, тогда по своим лукавым замыслам выискивай законы и вывертывайся, а теперь мне недосужно говорить с тобой, поди с глаз моих долой (с. 40).

Другим примером индивидуализации языка персонажей может послужить речь мамки, насыщенная выражениями и оборотами, характерными для устного народного творчества. Говоря об отношениях между молодыми супругами, она использует образы — символы, которые в свадебных обрядах и лирических песнях определяют невесту и жениха. Ср.:

Слава Богу! сударыня, как ни в чем не бывала, и никакой болезни и припадка не чувствовала, и так была мне рада, как бы вам самим, только немножко на личике видна печаль, что с вами долго не выдалась; а Селуян Софронович, то-то прямой муж, и ласкавой, и приветливой, как голубь за голубкою, — так равно и он за боярышным хвостом по лятан ходит, и при мне больше, нежели тысячу раз, поцеловались! Уж парочка! Нечего Бога гневить, а и боярышня умела выбрать сокола по мысли, — оба, мои батюшки, как налитые яблочки, дваруй Боже, еще больше совет да любовь! (с. 51).

Следует отметить, что у Новикова, по сравнению с "Повестью о Фроле Скобееве", возрастает роль диалогов, часто реплики героев не перемежаются даже комментарием рассказчика (ср. с. 42-44) и поэтому они приобретают характер совершенно театральных сцен.

Особенностью стиля в повести Новикова является наличие в ре-

1948, с. 100-101; того же, Прошлое Москвы в названиях улиц, Москва 1948, с. 8, 12-14, 28, 37, 66.

¹¹ История русской литературы, т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века, ред. Д. С. Лихачев, П. Г. Макогоненко, Ленинград 1980, с. 377.

чи персонажей пословиц и поговорок (напр., "Филат чему и рад: мать умирает, а он блины утирает", "Овсяная каша сама себя хвалит", "По пустому слоны продавать", "Поезжая на неделю, а хлеба бери на две", "Переливать из пустого в порожнее", "Своя нога не тянет", "Суженого и на коне не объедешь", "Ум хорошо, а два лучше того", "Гол как сокол" и др.), которые выступают в тексте в хорошо подобранных контекстах, как итог рассуждений героев. Ср., напр., следующий фрагмент разговора Кошкодавова со своей сестрой:

Эх! сестрица, ты не знаешь, как моему сердцу больно, я, может-быть, от сей игрушки должен буду оставить белой свет! Теперь поеду к Сонишке и, сказавши, посоветую с нею, что будет делать, ум - хорошо, а два - лучше того (с. 36).

Характерным для манеры повествования в повести И. Новикова является шутливо - иронический тон, применяемый уже раньше М. Д. Чулковым (см. напр., "Пересмешник"). Смех, ирония, а также пародия направлена рассказчиком Новикова, прежде всего, против прежнего, уходящего нравоучения, дидактизма (ср., напр., сцену растления Груняши). Также образ дьявола, довольно часто вмешивающегося в судьбы героев древнерусских повестей, в которых он чаще всего терпел поражение, служил для укрепления господствующей идеологии церкви, или другие образы, идущие от христианской назидательной литературы (напр., отлучившаяся от стада овечка, змея), приобрели у Новикова новую функцию. Они пародируют то, что еще совсем недавно было неприкосновенным и что в новую послепетровскую эпоху постепенно теряло свой авторитет. Это умелое использование Новиковым пародии в целях осмеяния уходящего, прежнего мировоззрения свидетельствует о передовых взглядах Новикова, о его начитанности, о вполне сознательном знакомстве в древнерусской литературе. Ср., напр., следующий фрагмент, в котором появляется дьявол:

Вдруг пришло в голову (Селуяну - А. С.) исполнить Груняшино приказание, дабы и ему тот же самый день учинить брачное веселие; но только одного нужна не доставало, в чем бы увезть Груняшу, - кареты с лошадыми: ибо в старину в Москве кроме роспусков, наемных совсем не бывало; а как дьяволы и не в таких пустых делах несчастным помогать приобькли, то какой-то гулящей

и проворной из них малой, похожей на Селуяна, наставил его, шепнувши в ухо на путь: 31 брат Селуян, не нащыва ты сукна епанча! Которого ты чорта не просишь надобнова тебе у своего земляка, господина Сабакина, коему ты за проклятыми ходишь делами и вместо правды, вставливая наши крючки, из кривых делаешь зрячими и всегда пляшешь по его дудке. Поди, он теперь дома и даст без отказа, только при прощении - объяви ему, какую с правдою сходную нужду (с. 31-32).

Подытоживая наши рассуждения на тему рассматриваемых произведений, мы приходим к выводу, что Новикову удалось создать совсем новое, оригинальное произведение, несмотря на сходство сюжетов обеих повестей. Благодаря выше упомянутым литературным приемам, использованным Новиковым (напр., другая манера повествования, фольклорные элементы, другое отношение повествователя к героям, пародия и др.) его произведение носит вполне творческий характер, соизмеряющий авторскую инициативу Новикова, его писательские способности, знания, благодаря которым оно не является подражанием анонимному автору, а интересным проявлением авторской индивидуальности И. Новикова.

Instytut
Filologii Rosyjskiej UŁ

Anna Starosta

"ОПОВІСЬ О ФРОЛЕ СКОБІЄВІЕ"
W TWÓRCZYM OPRACOWANIU IWANA NOWIKOWA

W artykule przedłożono metody i chwytły literackie, jakie zastosował Iwan Nowikow przy adaptacji staroruskiej "Opowieści o Frole Skobiejewie". Autor zwraca uwagę, że Nowikow, zachowując wszystkie podstawowe elementy fabuły pierwowzoru, inaczej jednak niż jego anonimowy poprzednik kreuje postacie głównych i drugoplanowych bohaterów, zmienia sposób narracji poprzez zwiększenie dystansu czasowego narratora wobec świata przedstawionego z jednej i wprowadzenie do narracji elementów parodii z drugiej strony itd. Wszystko to pozwala mu na stworzenie dzieła w pełni oryginalnego i ciekawego.